

Д. Домбровский

МСТИСЛАВИЧИ НА НОВГОРОДСКОМ СТОЛЕ В XIII ВЕКЕ

С момента выезда Мстислава Владимировича, отозванного отцом на Юг Руси в 1117 г., до конца XII в. в Великом Новгороде правили 14 представителей различных ветвей Мстиславичей, восседавая на этом столе в общей сложности около 64 лет¹. Если речь идет о правлении на Волхове в XII в., то можно говорить о фактическом господстве данной линии Рюриковичей. На таком фоне особенно заметным становится проявившийся во второй половине этого столетия пристальный интерес к «Республике Св. Софии» со стороны смоленской ветви потомков Мстислава, что, разумеется, не должно вызывать удивления по двум причинам. Во-первых, вотчина Ростиславичей соседствовала с новгородскими волостями, а во-вторых, в этот период остальные ветви Мстиславичей, владения которых были удалены от Новгорода, систематически ослабевали, утрачивая возможность влияния на общерусскую политику².

В то же время в Новгороде постепенно упрочивалось и влияние другой линии Мономаховичей – владими́ро-суздальских Юрье-

¹ В своих расчетах я опираюсь на несколько откорректированных данных В. Л. Янина (*Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 91).

² Исключением является здесь посажение в Новгороде правившим в то время в Киеве Мстиславом Изяславичем из волынской ветви рода своего сына Романа (правил на Волхове с 14.04.1168 до осени 1170 г.). Впрочем, этот шаг вызвал бурное недовольство смоленских Ростиславичей, которые в союзе с Андреем Боголюбским выступили против правления в «Республике Св. Софии» малолетнего родственника. Это, в свою очередь, является одним из фактов, свидетельствующих об исчезновении в данный период внутренней родовой солидарности Мстиславичей.

вичей. Ярким свидетельством этой ситуации стал тот факт, что последний из Мстиславичей, сидевших на новгородском троне в XII в., Ярослав Владимирович, правил там трижды именно по назначению Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, что нашло свое бесспорное подтверждение в источниках³. Согласно Новгородской первой летописи, в 6707 г. Всеволод отозвал из Новгорода на Залескую Русь Ярослава, отправив вместо него своего сына Святослава⁴, которому тогда было около 5 лет⁵. Так начался следующий период непосредственного правления Юрьевичей на Волхове. Как оказалось впоследствии, он был непродолжительным. Так или иначе, Святослав прибыл в свои владения вместе с новгородцами и суздальским окружением 30.01 1200 г. и сидел там, по всей видимости, до зимы 1204/05 г.⁶ Затем, по поручению отца, в Новгород был отправлен двенадцатилетний Константин Всеволодович, прибывший туда 20.03 1205 г. Новгородское летописание так разъясняет причины упоминаемого назначения: Всеволод решил «въ земли вашей рать ходить, а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ; а даю вы сынъ свои стареишии Костянтинъ»⁷. Изменения на троне сопровождались также сменой недавно выбранного новгородцами посадника, свидетельствуя, что владими́ро-суздальский князь прислал старшего сына, скорее, не в связи с некоей, по сути не отмеченной в источниках серьезной внешней опасностью, а по внутренним причинам. Возможно, уже тогда проявила себя на Волхове антисуздальская партия, деятельность которой Всеволод и хотел нейтрализовать, от-

³ См. по данному вопросу, напр., Новгородскую первую летопись, в которой под 6698 г. упоминается, что новгородцы, изгнав Владимира Святославича, послали к Всеволоду [Юрьевичу] за князем, а он дал им своего свояка, Ярослава Владимировича (НПЛ, ПСРЛ. Т. 3. С. 37, 227). В свою очередь под 6705 г. в том же источнике указано: «Иде Ярославъ съ Новаго тѣргу Володимирию, позванъ Всеволодомъ», а затем идет речь о возвращении Ярослава в Новгород (Там же. С. 43, 236). Наконец, под 6706 г. можно найти информацию о том, что Всеволод выведет Ярослава из Новгорода (Там же. С. 44, 238).

⁴ НПЛ. С. 44, 238. Согласно старому изводу этого источника, Святослав прибыл в Новгород 1.1 6707 г., в день Святого Василия, согласно же младшему изводу – 30 января того же года (Там же. С. 238–239). Из Лаврентьевской летописи известно, что Всеволодович был отправлен отцом из Владимира на Клязьме 12 декабря 6708 г., в день Св. Спиридона (ПСРЛ. Т. I. Стб. 416). Таким образом, он мог успеть добраться до Новгорода за 20 дней пути, уже к 1 января.

⁵ *Донской Д. В.* Рюриковичи: Ист. словарь. М., 2008. С. 577.

⁶ Валентин Янин счел, что правление Святослава Всеволодовича закончилось весной 1205 г. (*Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 91). Это небольшая и, несомненно, случайная неточность со стороны прекрасного знатока истории Новгорода, ибо ему, конечно, было известно, что Константин прибыл в Новгород 20.III 1205 г., то есть еще до окончания астрономической зимы.

⁷ НПЛ. С. 49–50.

правляя взрослого сына вместо малолетнего. Как бы то ни было, изменения прошли в спокойной атмосфере, что констатировал летописец, завершающий абзац о прибытии Константина так: «...и радь бысть весь град своему хотѣнию»⁸.

Совершенно иначе обстояло дело в 6717 (1208) г., когда в «Республике Святой Софии» после возвращения новгородских отрядов, вызванных Всеволодом Большое Гнездо из похода на Пронск и Рязань, состоялось вече с бурными протестами против посадника Дмитрия Мирошкинича и его семьи. На эти события Всеволод ответил повторным отправлением на новгородский трон Святослава и отзывом Константина. Кроме того, посадником был назначен Твердислав Михайлович, а группа бояр (в том числе дети Дмитрия Мирошкинича) были схвачены и отправлены Святославом к отцу, что следует рассматривать как уступку возмущенному большинству и жест, направленный на восстановление общественного спокойствия⁹. Видимо, в Новгороде росло недовольство правлением молодых сыновей-наместников владими́ро-суздальского князя, ведь род Мирошкиничей принадлежал к числу инициаторов привлечения на Волхов Святослава Всеволодовича. Тем временем сам Всеволод, видимо, не нашел лучшего способа разрядить накалившуюся ситуацию, чем уже проверенная, но временная и в каком-то смысле недальновидная мера – замена князей и влияние на выбор новых высокопоставленных служащих (посадников).

Здесь следует обратить внимание также на то, что, несомненно, правление Всеволодовичей в Новгороде являлось одним из элементов политического строя на Руси, формируемого, в значительной степени, выдающимся правителем – Всеволодом Большое Гнездо. Напомним, что в упомянутый период владими́ро-суздальскому князю удавалось также оказывать значительное влияние на ситуацию на Юге Руси, то есть он практически достиг неоспоримого, хотя порой и крайне неохотно принимаемого, господства над большинством Рюриковичей¹⁰.

⁸ НПЛ. С. 50.

⁹ Святослав Всеволодович прибыл в Новгород «в неделю мясопустную» 6717 г., то есть 10.И либо между 10 и 16.И 1208 г. (НПЛ. С. 51. См.: Янин В. Л. Актовые печати... Т. 1. С. 91).

¹⁰ Эта тема заслуживает отдельной разработки. Здесь напомним лишь, что Всеволод эффективно поддерживал, по крайней мере на юге, равновесие между отдельными политическими лагерями. Хорошо заметны также предпринимаемые различными князьями попытки ликвидации господства владими́ро-суздальского князя. О политическом искусстве и силе Всеволода свидетельствует то, что ни одна из них не увенчалась успехом. Например, отдельные Рюриковичи, которые захватывали Киев, вынуждены были постоянно, вплоть до 1212 г., заключать соглашения и идти на компромисс с Всеволодом.

Зимой 1208/09 г. на Торжок, являвшийся новгородским владением, пошел Мстислав Мстиславич Удалой. В покоренном граде были **взяты** придворные Святослава Всеволодовича и его посадник, а также захвачено их имущество. Затем князь-победитель отправил в Новгород послов с красноречивым посланием: «...кланяяся свяѣи Софии и гробу отца моего и всѣмъ новгородьцемъ; пришльть есмь к вамъ, слышавъ насилье от князь, и жаль ми своя отцины»¹¹. Обращение Мстислава было воспринято новгородцами доброжелательно. Они решили арестовать Святослава и его окружение, оставив их при дворе правителя до момента разрешения ожидаемого конфликта с Всеволодом Большое Гнездо. Сразу же после этого Мстислав вошел в Новгород и, дружелюбно встреченный если не всеми, то большинством жителей, занял престол¹². Видимо, основной причиной такого легкого получения власти представителем Ростиславичей было то, что он предложил нечто важное для новгородского общества. Занимая престол, он должен был оставаться независимым правителем, а не наместником монарха, сидящего далеко вне Новгорода, что было характерным для правления Святослава и Константина Всеволодовичей и практически сводилось к подчинению новгородской политики принципам политики Всеволода Большое Гнездо. Здесь достаточно упомянуть, что в период 1200–1208 гг. новгородцы вышли (в 1201 г.) всего в один отмеченный источниками поход – на балтийские и угро-финские земли. При этом в тот же период (в 1207 г.) новгородские отряды принимали участие в совершенно неважном с точки зрения интересов республики походе Всеволода Юрьевича на Рязанское княжество¹³.

Действия представителей владими́ро-суздальской линии Рюриковичей, которые могли, по крайней мере частью новгородской элиты и общества, рассматриваться в категориях отношения к их государству как к источнику сил и средств для ведения собственной политики при одновременном отсутствии интереса к фактически важным для него делам, закономерно должны были вызывать нарастающее недовольство. Тем временем захват трона взрослым (в возрасте около 30 лет), независимым правителем, каковым являлся Мстислав Мстиславич, давало надежду, что новый правитель будет вести и представлять прежде всего местные интересы «Республики Святой Софии». К этому следует добавить, что в своем обращении к новгородцам Мстислав преднамеренно обратился к прошлому, упомянув, что в Софийском соборе покоится его отец – один из немно-

¹¹ НПЛ. С. 51, 249.

¹² Там же. С. 51, 249. О датировке см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 255.

¹³ НПЛ. С. 50–51, 247–248.

гих взрослых Рюриковичей, похороненных в этом важнейшем новгородском храме. Мало того, обращаясь к новгородцам, он назвал их государство в некотором смысле заблаговременно, – в чем обе стороны прекрасно отдавали себе отчет, – своей вотчиной¹⁴, склоняя к тому, что он станет «своим» князем.

Для более полной картины обстоятельств перехода власти на Волхове к Мстиславу обратимся к общерусскому контексту этих событий. Заметим для начала, что Мстислав Мстиславич еще весной–летом 1207 г. находился на Юге Руси, однако в результате крупного похода черниговского князя Всеволода Чермного, поддерживаемого племянниками, туровскими и пинскими Святополковичами и галицким Владимиром Игоревичем, был вытеснен из обороняемого им Торческ и вынужден так же, как и другие родственники – союзники Рюрика Ростиславича (в том числе анонимно упоминаемый сын Ярослава Владимировича), эмигрировать на север¹⁵. Возможно, именно в этот момент лишенный владений на юге Мстислав был наделен тогдашним смоленским князем¹⁶ Торопцом, граничащим с новгородскими землями¹⁷, а Владимир Ярославич, кото-

¹⁴ Конечно же, «вся Русь» была вотчиной Рюриковичей, в особенности Ярославичей-Мономаховичей. Однако в данном случае, несомненно, задача состояла в том, чтобы подчеркнуть хотя и непродолжительный, но, пожалуй, глубоко запавший в память период правления в Новгороде отца Мстислава – Мстислава Ростиславича. Кроме того, нет уверенности, что летописец привел действительно сказанные князем слова либо передал взгляды самого князя или его сторонников.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 429. Источник четко сообщает, что в Смоленск, «в свою вотчину», выехал из захваченного Всеволодом Чермным Белгорода Мстислав Романович. Однако догадываемся, что также два других союзника Рюрика отправились на север, так как на юге места для них уже не было. Это предположение полностью подтверждается, в частности, позднейшей судьбой Мстислава Мстиславича.

¹⁶ В Смоленске в то время правил, по всей видимости (хотя прямой информации об этом нет), двоюродный брат Мстислава Мстиславича и соратник по оружию 1207 г. Мстислав-Борис Романович (см.: *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 185, 205, 290–291; *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 179; *Алексеев Л. В.* Западные земли домонгольской Руси: Очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. Кн. 2. С. 41).

¹⁷ Проблема – кто именно правил Торопцом – непроста. Достаточно распространено мнение, что это было выделенное из Смоленского княжества владение, постоянно остававшееся за Мстиславом Ростиславичем и его потомками (см. напр.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля. М., 1980. С. 231; *Он же.* Западные земли домонгольской Руси. Кн. 1. С. 202–203. Кн. 2. С. 41–42; *Фроянов И. Ю., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 220–221 (здесь Торопец трактуется как отдельное владение со своей не указанной, однако, авторами династией); *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 11; *Янин В. Л.* Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 48–51; *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII веке: Из истории

рый и был, на наш взгляд, анонимным сыном Ярослава Владимировича, изгнанного из Треполя Всеволодом Чермным, получил, в свою очередь, по пожалованию Всеволода Большое Гнездо власть над Псковом¹⁸.

Тем временем побежденные в первой половине 1207 г. Ростиславичи не намеревались отказываться от борьбы за сохранение самой сильной позиции на Руси. Еще до конца 1207 г., пользуясь опосредованно помощью Всеволода Большое Гнездо, напавшего тогда, как известно, при помощи новгородских сил на Рязанское княжество, Рюрик Ростиславич отбил у Всеволода Чермного Киев¹⁹. Олеговичи также не смирились с этой потерей. Зимой 1207/08 г. они безуспешно напали на бывшую столицу Руси. В свою очередь Всеволод Большое Гнездо в 1208 г. был занят упорными, ведущимися, как правило, с успехом сражениями с рязанскими князьями²⁰.

Подытоживая, можно констатировать, что в 1207–1208 гг. на Руси сложилась следующая, достаточно динамично эволюционирующая, расстановка сил. Несомненно, ключевую позицию сильнейшего князя занимал, играя одновременно роль арбитра, Всеволод Большое Гнездо. В руках его самого и его сыновей находились Залесская Русь, Великий Новгород и даже ненадолго – Рязань. В Пскове же сидел посаженный, по всей видимости Всеволодом, Вла-

Смоленской земли // *Russia Mediaevalis*. 2001. Т. 11. С. 75). Однако на наш взгляд, это совершенно неверно. В интересующий нас период, то есть во второй половине XII – первой четверти XIII в., Торопец аналогично некоторым другим городам Киевщины (таким, как Белгород, Торческ, Треполь, Канев и т. д.), был пожалован высшим князем (в данном случае – смоленским). Это была форма «кормления» младших князей и их отрядов. Такое явление находит полное подтверждение в случае киевских отношений, в том числе при правлении Ростиславичей. На наш взгляд, ввиду отсутствия источников невозможно со стопроцентной уверенностью утверждать это в случае Смоленщины. Тем не менее известен факт одновременного пребывания в этом княжестве нескольких князей. Вероятно, они не проживали на смоленском дворе, хотя должны были иметь какие-то средства для содержания себя и своей дружины.

¹⁸ Красноречиво то, что псковский Владимир, считающийся нами сыном Ярослава Владимировича, а не Мстислава Ростиславича Храброго (Dąbrowski D. *Genealogia Mściśławowiczów. Pierwsze pokolenia (do początku XIV wieku)*. Kraków, 2008. С. 501–506, 604–616, 720), появляется на страницах северно-русских и инфляндских источников лишь в конце первой декады XIII в., уже после похода Всеволода Чермного на Рюрика Ростиславича и его союзников в 1207 г. Новгородские летописи отмечают его участие в вооруженной операции, направленной против литовцев, состоявшейся уже в 1208 г. (НПЛ. С. 51), а в Хронике Ливонии Генриха Латвийского он появляется сначала анонимно, с 1210 г. (Heinrici Chronicon Livoniae, L. Arbusov, A. Bauer, Hannoverae, 1955; *Monumenta Germaniae Historica in usum scholarum*. Т. 31. С. 73).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435; Т. 25. С. 106.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434; Т. 25. С. 107.

димир Ярославич. Кроме того, на Руси функционировали в то время два крупных вражеских лагеря. Во главе одного из них стоял Всеволод Святославич черниговский и, иногда, киевский. К кругу его союзников относились близкие родственники, новгородско-северские Игоревичи, которым удалось на тот момент овладеть Галицким и, ненадолго, Владимиро-Волынским княжеством. Кроме того, в упоминаемом политическом блоке находились также рязанские князья и турово-пинские Святополковичи. Им противостояли смоленские Ростиславичи, с которыми, видимо, находились в союзе восточно-волынские Ярославичи. В 1207 и 1208 гг. лагерь Ростиславичей пользовался поддержкой Всеволода Большое Гнездо, несомненно обеспокоенного укреплением Олеговичей, грозящим поколебать состояние равновесия на юге, удобное с перспективы интересов владими́ро-суздальского князя²¹.

Увенчавшееся успехом нападение Мстислава на Новгород зимой 1208/09 г. нарушило, таким образом, существующую расстановку сил. Возникает чрезвычайно интересный вопрос: являлся ли этот шаг отражением солидарной политики всех смоленских Ростиславичей, старейшиной и формальным лидером которых, несомненно, был единственный живущий представитель поколения сыновей родоначальника – Рюрик Ростиславич, или нет? На наш взгляд, намного более правдоподобен второй вариант. Определенные предпосылки позволяют считать, что после поражения 1207 г. внутри рода появились два соперничающих друг с другом, хотя и неявно, лагеря. Один из них возглавлял Рюрик, поддерживаемый, конечно же, старшим сыном Ростиславом, женатым на Верхуслане, дочери Всеволода Большое Гнездо. По-видимому, его представители были заинтересованы, главным образом, в оставлении за собой Киева и основных городов «Руси». При этом они были согласны на господство владими́ро-суздальского Всеволода.

Во главе второго лагеря находились представители поколения внуков Ростислава Мстиславича, «теснящиеся» на Смоленщине. Здесь мы имеем в виду самого старшего из них – как по возрасту, так и по поколению – Мстислава Романовича, а также Мстислава Мстиславича. Обоим князьям сравнительно быстро удалось при-

²¹ Чрезвычайно интересная проблема изменений расстановки сил на Руси в начале XIII в. требует, на наш взгляд, отдельной разработки. Совершенно недостаточны имеющиеся до сих пор размышления на данную тему (см., напр.: Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980; Феннел Д. Кризис средневековой Руси 1200–1304. М. 1989; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках; Александров Д. Н. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001; Dimnik M. The Dynasty of Chernigov 1146–1246. Cambridge, 2007). Они имеют слишком общий характер либо не охватывают всей проблемы.

влекь на свою сторону младшего из Рюриковичей – Владимира, а также, скорее всего, по меньшей мере часть живших в то время Давидовичей²². Сравнительно молодые, честолюбивые и способные представители этого лагеря – как покажут события недалекого будущего – были заинтересованы в укреплении своей позиции ценой прежнего *status quo*. А это означало выступление против порядка, установленного, в основном, Всеволодом Большое Гнездо, а также, в какой-то степени, Всеволодом Святославичем Чермным и Рюриком Ростиславичем. Естественно, им не могло нравиться безропотное повиновение дяди Всеволоду Большое Гнездо, тем более что все ярче проявлялись тенденции сильного владими́ро-суздальского князя манипулировать во имя достижения своих целей более слабыми политическими партнерами²³.

Захват Мстиславом Мстиславичем Новгорода должен был привести и привел к конфликту с Всеволодом Большое Гнездо. Его развитие совершенно иначе представляется новгородскими и залесскими источниками. В первых источниках сообщается, что Мстислав «съ всемь плкомь» (под таким определением мы понимаем как собственную дружину князя, так и новгородские отряды) пошел на Всеволода. Когда войска дошли до реки Плоская, протекающей уже по территории Суздальской земли, они встретились с посольством от владими́ро-суздальского князя, предложившего мир за освобождение новгородцами Святослава и его людей. Согласно источнику, взамен Всеволод предложил освобождение новгородских гостей, остававшихся у него. Мир был заключен на указанных в летописи условиях²⁴. Однако его основным, не упоминаемым непосредственно результатом было признание Всеволодом перехода власти над Новгородом к Мстиславу. Согласно же суздальским источникам, именно Всеволод отправил своего сына Константина и его братьев на Мстислава, на Торжок. Узнав о приближающихся противниках, Мстислав якобы отступил сначала к Новгороду, а затем к своей вотчине – находящемуся в Смоленском княжестве Торопцу. Константин вместе со своими братьями вернулся, таким образом, в Тверь, а Святослав пришел к ним из Новгорода²⁵. На наш взгляд, приведенный рассказ Лаврентьевской летописи намного менее дос-

²² Проблема взаимоотношений между Ростиславичами также заслуживает отдельной разработки.

²³ Несомненно, запало в память то, как Всеволоду удалось разбить потенциально опасный для него союз между Рюриком и владимировольнским Романом Мстиславичем. Всеволод завязал тогда искусную интригу, требуя от Рюрика, чтобы тот отобрал у Романа пожалованные ему ранее владения на «Руси», после чего сразу же передал их своему зятю, Ростиславу Рюриковичу.

²⁴ НПЛ. С. 51–52.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435.

товерен, чем аналогичное описание новгородских источников – он имеет явно пропагандистский характер, будучи просто попыткой прикрыть неудачу Всеволода.

Добавим, что действия Мстислава на севере вызвали, хотя и несколько запоздалую, реакцию на юге. После продолжительного конфликта владими́ро-суздальский Всеволод в начале 1210 г. решился заключить соглашение со своим черниговским тезкой. Согласно Лаврентьевской летописи, Всеволод Чермный и все Олеговичи отправили во Владимир-на-Клязьме митрополита Матвея с просьбой заключить мир. Соглашение состоялось, и сразу же после этого мы находим в цитируемом источнике информацию об очередном овладении Всеволодом Чермным киевским тронem и приходе Рюрика на черниговский трон²⁶. Вскоре новый союз был скреплен браком детей обоих Всеволодов²⁷ и, что интригует, также сам Всеволод Большое Гнездо должен был заключить на Руси следующий, уже третий брак, с Софией²⁸. Представленные события, а также запечатленная источником связь между соглашением Всеволодов и последующей потерей Рюриком киевского трона также подтверждают наши выводы об определенном диссонансе в роде Ростиславичей, возникшем в конце первой декады XIII в.

Тем временем Мстислав осуществил в только что покоренном государстве действия, направленные на укрепление своей власти и ослабление «просуздальского» лагеря. Как обычно, состоялась смена посадника. Назначенный еще Всеволодовичами Твердислав Михалкович отказался от места «по своей воле» в пользу прибывшего (что красноречиво – из Руси, то есть из Киевщины) Дмитрия Якуничя²⁹. Однако, несмотря на потерю функции, Твердислав, видимо, не был обижен и присоединился к сторонникам Мстислава. Лучшим подтверждением этого является тот факт, что уже вскоре – в 1212 г., он снова становится посадником, мало того, верно поддерживаю-

²⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435. Не будем здесь углубляться в рассмотрение спорной и вызывающей сомнения литературы о переходе Рюрика в Чернигов (см.: *Dąbrowski D. Genealogia Mściślawowiczów...* С. 413–415. Там же – обзор различных мнений).

²⁷ Юрий, сын Всеволода Большое Гнездо, женился на дочери Всеволода Чермного (см., напр.: Лаврентьевская летопись. Кол. 435; ПСРЛ. Т. 25. С. 108).

²⁸ ПСРЛ. М., 1995. Т. 16. С. 128. К мнению о трехкратном вступлении Всеволода Большое Гнездо в брачные узы недавно склонился Д. В. Донской: Рюриковичи... С. 211. Мы также, с осторожностью, с этим соглашаемся.

²⁹ НПЛ. С. 52, 249. Валентин Янин считал, что смена посадника произошла лишь в 1211 г. (*Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 183*). Однако на наш взгляд, суждение российского исследователя неверно.

щим своего князя в кризисной ситуации³⁰. На наш взгляд, это яркое свидетельство хороших дипломатических способностей Мстиславича, которые уже с перспективы осуществления им власти в таком специфическом государстве, как Новгород, сыграли исключительно положительную роль, добавив ему популярности в местном обществе.

Совершенно иначе сложилась судьба другого представителя новгородской элиты – архиепископа Митрофана, который так же, как и Твердислав, был назначенцем Всеволодовичей³¹. Этот представитель духовной иерархии, по всей видимости, упорно стоял на «просуздальской» стороне, в результате чего в конце января, видимо уже 1210 г., потерял свое место и был отправлен в Торопец. Вместо него был назначен автор известного рассказа о путешествии в Константинополь Антоний (в миру – Добрыня Ядрейкович)³². Как оказалось впоследствии, предпринятые князем не слишком репрессивные действия, несомненно, ослабили, хотя и не устранили полностью, существовавшую в Новгороде группировку сторонников Всеволода Большое Гнездо.

Незадолго до этого Мстислав решил укрепить некоторые районы своего государства. Он отправил в Луки посадника Дмитрия с группой новгородцев для сооружения в этом владении городов, сам же отправился осмотреть торжское владение. После этого он поехал в Торопец, а оттуда – в Луки, где встретился с посланными туда новгородцами. Что поразительно – в следующем предложении Новгородской первой летописи находим информацию, что правитель Новгорода «дал лучанам князя псковского Владимира»³³. Как следует понимать это сообщение? На наш взгляд, оно свидетельствует о факте существования союза между Мстиславом Мстиславичем и псковским Владимиром Ярославичем. Как известно, второй из вышеуказанных князей еще за год до этого представлял на севере интересы Всеволода Большое Гнездо, выходя вместе с посадником Твердиславом (действующим от имени Святослава Всеволодовича) на литовцев. Собственно, в таком соглашении не было ничего противоестественного – отец Владимира, Ярослав Владимирович, правил до этого в Пскове, а кроме того, был женат на сестре первой жены владими́ро-суздальского Всеволода и поддерживал с ним тес-

³⁰ НПЛ. С. 53, 251–252. О позиции Твердислава по отношению к Мстиславу и месту, занимаемому посадником в обществе, см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 168, 183).

³¹ Митрофан стал новгородским епископом после смерти Мартурия 25.VIII 1199 г. (НПЛ. С. 44, 238).

³² НПЛ. С. 52.

³³ Там же. С. 53.

ные контакты. Привлечение на свою сторону псковского Владимира было, таким образом, для Мстислава значительным политическим успехом. Однако за смену родственником политического лагеря (упоминаемые князья были двоюродными братьями по линии отца) пришлось заплатить. Отсюда, на наш взгляд, и назначение Мстиславом реально правившего в Пскове Владимира «наместником» в Луках. На практике этот акт должен был обозначать получение вторым из упоминаемых князей доходов с лукского владения. Предположительно в тот же период для скрепления союза с Ярославичами Мстислав (конечно же, по договоренности с Мстиславом Романовичем) посадил второго из них, Давида, в Торопце³⁴. Оба князя оказались впоследствии лояльными по отношению к правителю Новгорода.

Уладив дела, связанные с переходом власти над «Республикой Святой Софии», ее новый правитель приступил к активной политике экспансии на балтийские и угро-финские земли. Уже в 1210 г. Мстислав организовал при помощи Владимира псковского завершившийся успехом поход на чудь, на Медвежью голову (Оденпе, в настоящее время – Отепя). Русины, разорив чудские деревни под городом, ставшим целью набега, собрали дань и без потерь вернулись обратно³⁵. В начале 1212 г. новгородцы, во главе с Мстиславом и при поддержке нового псковского князя Всеволода Борисовича³⁶ и Давида торопецкого, снова успешно напали на чудь и дополнительно ереву, собрав вторично дань – на этот раз с двух племен³⁷.

Новгородцы могли гордиться своим правителем. Спустя годы пассивной балтийской политики Новгород напомнил этим народам о своей военной мощи.

Вскоре после второго чудского похода произошли события, коренным образом изменившие политическую ситуацию всей Руси.

³⁴ Давид торопецкий, идентифицированный нами вопреки взглядам, царящим до сих пор в литературе, не как родной брат Мстислава Мстиславича, а как сын Ярослава Владимировича, упоминался в источниках всего лишь в двух эпизодах (*Dąbrowski D. Genealogia Mściławowiczów...* С. 626–631, 677).

³⁵ НПЛ. С. 52, 250 (под 6720 г.). Об этом походе упоминает также Хроника Ливонии Генриха Латвийского в главе, посвященной двенадцатому году понтификата рижского епископа Альберта (*Heinrici Chronicon Livoniae...* С. 73).

³⁶ Этот Всеволод Борисович – по всей видимости, Всеволод, сын Мстислава-Бориса Романовича. За год до этого Владимир Ярославич потерял власть над Псковом в результате бунта горожан, был изгнан и скрылся у своего свата, рижского епископа Альберта.

³⁷ НПЛ. С. 52–53, 251; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. С. 184. См.: *Heinrici Chronicon Livoniae...* С. 98–99.

Сначала 14 или 15.IV 1212 г. умирает Всеволод Большое Гнездо³⁸, оставив нескольких взрослых наследников – отнюдь не единомышленников. Смерть этого выдающегося Рюриковича должна была привести к серьезным последствиям не только на Залесской Руси. Так и произошло. Киевский князь Всеволод Чермный решил пересмотреть заключенное, несомненно, под давлением Всеволода Большое Гнездо в 1210 г. соглашение с Ростиславичами. Он обвинил их в совершенном годом ранее в Галиче убийстве двоих своих братьев (Игоревичей) и повелел представителям смоленской ветви Рюриковичей покинуть находящиеся на «Руси» владения. Реакция последних была очевидна. Они обратились за помощью к сидящим на севере родственникам³⁹. Вскоре было также принято решение об организации большого похода на Ольговичей. В день Святого Федора Стратилата, то есть 8 июня, Мстислав Мстиславич пошел на юг, ведя новгородцев, поддержкой которых он заручился до этого на вече. В Смоленске новгородские отряды встретились с ратью, собранной Мстиславом Романовичем. Между союзниками произошел конфликт, новгородцы убили какого-то смолянина и, кроме того, восстали против своего князя. Мстислав созвал вече, на которое, однако, подданные не пришли, после чего, как образно и красноречиво рассказывает Новгородская первая летопись, «...князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонивъся, поиде». Лишь вмешательство посадника Твердислава, отметившего, что все предыдущие поколения новгородцев трудились во благо Русской земли, а значит, и участникам похода следует делать то же самое, принесли эффект⁴⁰.

Описанный эпизод ярко демонстрирует, что новгородцы в своем большинстве были сосредоточены в тот момент прежде всего на защите местнических интересов своего государства, принимая в штыки попытки отдельных князей втянуть их в реализацию политических начинаний общерусского масштаба. С этим уже сталкивались Всеволод Большое Гнездо и его сыновья, а также Мстислав в 1212 г. Возможно, именно эта черта новгородской политики была одной из причин, по которой Мстислав Мстиславич, видя для себя

³⁸ Более вероятна дата 15 апреля 1212 г., которая была зарегистрирована, в частности, Московской летописью конца XV века (ПСРЛ. Т. 25. С. 109), так как она хронологически более точна, чем версия Лаврентьевской летописи с дневной датой 14 апреля и определением, что это наступило в день папы Мартина (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436). Недавно подробную дискуссию о сроке смерти князя представил А. А. Кузнецов – исследователь из Нижнего Новгорода. Анализируя записи многочисленных источников, он пришел к неправильному, на наш взгляд, выводу, что Всеволод умер 13–14.IV 1212 г. (*Кузнецов А. А. О дате смерти Всеволода Большое Гнездо // ВИД. М., 2008. Вып. 31. С. 398–401*).

³⁹ НПЛ. С. 53, 251; ПСРЛ. Т. 4. С. 184.

⁴⁰ НПЛ. С. 53, 251–252.

более широкие перспективы, чем наезды на чудь и ереву, дважды отказывался от этого региона.

Так или иначе, переубежденные новгородцы пошли из-под Смоленска за своим князем и приняли участие в разорении Черниговщины и захвате Киева, в котором был сначала ненадолго посажен самый старший из Мстиславичей – князь луцкий Ингвар Ярославич, а затем князь смоленский Мстислав Романович⁴¹. Добавим, что участие в победной кампании, осуществленной, кроме того, без собственных потерь в живой силе, без сомнения, повысило престиж Мстислава Мстиславича в глазах новгородцев.

Видимо, еще в ходе подготовки к походу Ростиславичей с севера на Чернигов и Киев произошло по срочным стратегическим соображениям сближение между Мстиславом Мстиславичем и Ярославом Всеволодовичем. Не исключено, что именно новгородский князь решил выдать свою дочь Ростиславу за упоминаемого сына Всеволода владимиристо-суздальского. Готовящийся к трудному походу против Ольговичей Мстислав нуждался в безопасности со стороны младших Всеволодовичей, те же, находясь в ссоре со старшим братом, Константином, женатым на дочери Мстислава-Бориса Романовича, могли стремиться нейтрализовать брачным путем его связи с Ростиславичами⁴². Так или иначе, можно предполагать, что упомянутый брак повлиял на выбор новгородцами нового князя в тот момент, когда Мстислав неожиданно объявил им на вече, что отрекается от трона, предоставляет свободный выбор преемника и уходит в Киев по своим делам⁴³. Согласно данным новгородских летописей, это событие имело место в 6723 г., в действительности же, по всей видимости, Мстислав выехал в самом конце 1214 или уже в начале 1215 г.⁴⁴ Сложно определить, что именно стало причи-

⁴¹ Информацию о возведении Ингвара на киевский трон передали некоторые «залесские» летописи (ПСРЛ. Т. 25. С. 109; Т. 7. С. 118). Такого сообщения, упоминающего об участии луцкого князя в самом походе, нет (ПСРЛ. Т. 22. С. 63–64; Т. 15. Стб. 312. Новгородское же летописание вообще не указывает при описании этих событий Ингвара (НПЛ. С. 53, 251–252; ПСРЛ. Т. 4. С. 184–185).

⁴² Единственная летопись, упоминающая о браке Ростиславы Мстиславовны с Ярославом Всеволодовичем под 6722 г., – это ПСРЛ. Т. 15. С. 131. О датировке и обстоятельствах этого события см. подробно: *Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów...* С. 555–557 (там же – библиографические ссылки).

⁴³ НПЛ. С. 53, 252.

⁴⁴ Такую датировку приняли, например: *Эммауский А. В.* Мстислав Удалой: Из истории Древнерусского государства накануне монголо-татарского завоевания. Киев, 1998. С. 48), *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 258; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 184; *Рапов О. М.* Княжеские владения. С. 182) и *Вилкул Т. Л.* Люди и князь в конструкциях летописцев XI–XIII вв. Киев, 2007. С. 36, 169. Иначе считает Д. В. Донской, утверждая, что Мстислав выехал первый раз из Новгорода уже в 1214 г. (*Донской Д. В.* Рюриковичи. С. 490). По мо-

ной такого шага князя. Неизвестно, что он точно делал на юге, а северные источники также крайне скупо освещают упоминаемый период⁴⁵. Так или иначе, после долгих размышлений новгородцы решили пригласить к себе на княжение Ярослава Всеволодовича⁴⁶. Такое решение оказалось с позиции «Республики Святой Софии» серьезным недоразумением. Новый правитель быстро вошел в конфликт с подданными – за этим, возможно, стояло желание отомстить за действия противосудальского лагеря 1208 г. Начались аресты. В частности, 21.V 1215 г. Ярослав повелел схватить Христофора, сына тысячника Якуна Намнежича. Затем князь обосновался в Торжке, оставив в Новгороде своих людей, в том числе верных новгородцев. Бурное развитие конфликта произошло осенью, когда Всеволодович начал блокаду строптивного града⁴⁷.

Согласно новгородским летописям, узнав об ужасной ситуации, царившей на Волхове при правлении Ярослава, Мстислав решил вернуться в брошенные владения. С этой целью он договорился с родичами. Московский летописный свод конца XV в. упоминает, что с юга вышли вместе с ним тогдашний князь переяславский Владимир Рюрикович, а также высланный властителем Киева Мстиславом Романовичем его сын Всеволод. Силы Ростиславичей сконцентрировались в Смоленске, а в ответ на слухи об этом на Волхове начались выступления против Ярослава⁴⁸. В Новгород Мстислав въехал 11.II 1216 г., арестовав людей Всеволодовича во главе с наместником Хотом Григорьевичем, а сразу же после этого, очевидно, на Ярославовом дворе состоялось заключение договора между Мстиславом и всеми новгородцами, скрепленного, по обычаю, целованием креста⁴⁹.

ему мнению, подробнее обоснованному в другом месте, князь выехал из Новгорода, несомненно, после 10.XI 1214 г. и до января 1215 г. (см.: *Dąbrowski D. Przystąpienie Mściława Mściławowicza do walk o Halicz.* – В печати).

⁴⁵ По всей видимости, Мстислав предпринял тогда шаги к мирному принятию Галицкого княжества из венгерских рук. Они закончились полной неудачей. См.: *Dąbrowski D. Przystąpienie....* По мнению А. В. Майорова, Мстислава приглашала принять участие в борьбе за галицкий стол княжна – вдова Романа Мстиславича (*Майоров А. В. Печать Евфросинии Галицкой в Новгороде // Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* М., 2011. № 2 (44). С. 23–25. – В печати). Приношу благодарность автору за возможность использования этого текста.

⁴⁶ НПЛ. С. 53, 252.

⁴⁷ НПЛ. С. 53–54, 252–253.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 110–111.

⁴⁹ НПЛ. С. 54, 253–254. Как правильно заметил Валентин Янин, заключенный с Мстиславом союз имел повсеместный характер, объединяющий все новгородские группировки в общей борьбе против Ярослава (*Янин В. Л. Новгородские посадники.* С. 185).

Как хорошо известно, после провала переговоров, которые должны были склонить Ярослава Всеволодовича покинуть новгородскую территорию, началась война, в которой с одной стороны оказались Мстислав Мстиславич, поддерживаемый смоленским Владимиром Рюриковичем и псковским Владимиром Ярославичем и связанный союзом с Константином Всеволодовичем, с другой же – Юрий и Ярослав Всеволодовичи, поддерживаемые младшими братьями. Конфликт закончился полной победой Мстислава и Константина в Липицкой битве 21.IV 1216 г. Здесь стоит подчеркнуть, что новгородский князь, принимая под Переяславлем-Залесским – кажется, в среду 4.V 1216 г. – капитуляцию Ярослава Всеволодовича, отобрал у него жену, мало того, как указывает группа летописцев, невзирая на просьбы зятя, не отдал ее⁵⁰. Пользуясь случаем, подчеркну, что – как мы это старались доказать в других местах – Ростислава Мстиславовна была женой Ярослава, нетождественной Феодосии Ефросинии, матью Ярославичей⁵¹.

⁵⁰ ПСРЛ. С. 196; Т. 7. Стб. 273–274; Т. 39. Стб. 73; Летопись по Академическому списку. Там же, Т. I. М., 2001. Кол. 501–501. Это событие имело место в четвертую неделю после Пасхи – в среду, в день Преполовения [Пятидесятницы], который в 1216 г. пришелся на 4 мая.

⁵¹ Проблеме нетождественности Ростиславы и Феодосии Ефросинии нами посвящена отдельная статья (*Домбровский Д.* Из исследований генеалогии смоленских Ростиславичей: была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского? Возвращение к проблеме // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2006. № 2 (24). С. 21–30). См. также: *Домбровский Д.* *Genealogia Mścislawowiczów...* С. 530–535, 555–560. Во второй из указанных работ нами была идентифицирована Феодосия Ефросиния. По нашему мнению, это была дочь смоленского, а затем киевского князя Мстислава-Бориса Романовича, взятая в жены Ярославом в период между смертью Константина Всеволодовича (2.II 1218 г.) и маем 1219 г. Здесь следует еще указать, что Ростислава была второй, а Феодосия – третьей женой Всеволодовича. С точки зрения норм церковного права, заключение третьего брака было, конечно же, возможным. Однако в случае браков Ярослава мы сталкиваемся с проблемой, о существовании которой сигнализировала нам Марина Смоляк из Москвы в сообщении от 28.IV 2010 г. В описании Иоганна де Плано Карпини событий зимы 1246/47 г. имеется информация о жившей в тот момент жене Ярослава Всеволодовича (*Carpini Johannes de Plano. Ystoria Mongalorum, quos nos Tartaros appellamus // Sinica Franciscana. T. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV, Anastasius van den Wyngaert (сост.), Quaracchi – Firenze, 1929. С. 128: «In reversione in terram Biseminorum, in civitate Lemfine, invenimus Coligneum qui de mandato uxoris Jerozlay et Bati ibat ad predictum Ierozlaum»*). Эта проблема нуждается в отдельном исследовании. Здесь мне бы хотелось лишь отметить, что перед лицом татаро-монгольской опасности и повелений ханов все правовые нормы, действовавшие для русских князей, могли подвергаться и иногда подвергались временной отмене. Обратим, например, внимание на также отмеченный итальянским монахом и путешественником факт принуждения Батыем к не соответствующему правовым нормам браку со вдовой убитого монголо-татарами Андрея Мстиславича (черниговского)

Вскоре после своего триумфального возвращения из победного похода Мстислав вновь решил покинуть Новгород. Новгородские летописи под 6725 г. единодушно указывают, что князь отправился в Киев, взяв с собой Юрия Ивановича, Сбыслава Степанича и Олексу Путиловича. На Волхове осталась жена Мстислава и его сын Василь, а вскоре туда прибыл Владимир [Ярославич псковский], который, вероятно, был об этом попрошен родственником⁵². Сравнение данных сообщений с соответствующим абзацем очень хорошо датируемой Хроники Ливонии Генриха Латвийского показывает, что эти события разыгрались в 1216 г.⁵³, а не год спустя, как это утверждается в большинстве исследований⁵⁴.

Видимо, на этот раз за решением Мстислава стояло желание вмешаться в борьбу за Галицкое княжество. Обратим внимание на то, что Галицко-Волынская хроника, рассказывая о нарушении венгерским королем Андреем II условий Спишского договора, заключенного на переломе 1214–1215 гг., о разделе сферы влияний в бывшем государстве Романа Мстиславича, сообщает, что пострадавший князь-принцес Польши Лешек Белый «сжалиси о срамотѣ своеи, и посла к Новоугородоу по Мьстислава, и реки братъ ми еси, поиди и сади в Галичѣ». А Мстислав, по словам того же источника,

его младшего брата (*Carpini J. de Plano. Ystoria Mongalorum... С. 39*). На наш взгляд, хотя это не более чем предположение, овдовевший в 1244 г. Ярослав мог быть «принужден» Батыем к браку. Это объясняло бы, например, почему Карпини упоминал о том, как встретил по пути Колигния, ехавшего к Ярославу с посольством от его жены и Батя. Возможно, отнесение Ярослава к сторонникам Батя (что подкреплялось брачным союзом) стало причиной гибели русского князя при дворе Гуюк-хана, бывшего во вражде с Батыем (*Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды, Саранск, 1960. С. 24–25*).

⁵² НПЛ. С. 57, 257; НЧЛ. С. 197.

⁵³ Выезд Мстислава состоялся через какое-то время после победной кампании против Всеволодичей, то есть самое раннее – в конце мая 1216 г. О нем рассказывается, например, в Новгородской первой летописи – уже в следующем сообщении после годовой статьи, заканчивающейся возвращением новгородцев после победы над Всеволодичами. Это явно свидетельствует, что Повесть о битве на Липице была выделена искусственно, с нарушением хронологической последовательности рассказа. Князь же вернулся из Киева не позднее февраля следующего года. Известно, что уже после выезда Мстислава на юг прибывший в Новгород псковский Владимир возглавил поход на Медвежью голову (Оденпе), который начался через какое-то время после середины августа 1216 г. и длился вплоть до конца февраля – начала марта 1217 г. (*Heinrici Chronicon Livoniae... С. 135–140*. Глава, касающаяся восемнадцатого года понтификата Альберта). Тем временем Мстислав – о чем уверенно сообщают новгородские летописи – вернулся из поездки на юг до возвращения сражающихся в Ливонии отрядов.

⁵⁴ См., напр.: *Эммаусский А. В. Мстислав Удалой. С. 80; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 184.*

«пойде на Галичь, со свѣтомъ Лестьковымъ»⁵⁵. Естественно, сложно предполагать, что Мстислав сразу же из «Республики Святой Софии» направился в Галич. Этому противоречат, прежде всего, сообщения новгородских источников, которые, во-первых, четко говорят об оставлении в прежнем владении жены и сына, во-вторых, однозначно в качестве цели путешествия князя указывают Киев. Собственно, было очевидным, что Мстислав, желая приступить к борьбе за Галицкое княжество, должен был проконсультироваться с другими Ростиславичами и прежде всего – с сидящим на киевском столе Мстиславом Романовичем. Необходимо было также оценить шансы операции на успех, подготовить план действий и, наконец, собрать соответствующие средства для похода против венгров, оккупирующих Галич.

На встрече в Киеве, несомненно, было принято решение о поддержке Ростиславичами стараний Мстислава Удалого по завладению Галичем. Ведь это была операция, которая при успешном завершении значительно укрепляла превосходство, достигнутое на Руси смоленской ветвью Рюриковичей в период 1212–1216 гг. Видимо, в помощь Мстиславу Ростиславичами были брошены большие силы⁵⁶.

До начала похода князь, учитывая неудачные результаты прежнего ухода из Новгорода, тем не менее вернулся на север, чтобы уладить дела согласно своим интересам и интересам близких родственников. Сразу же после приезда он арестовал Станимира Дерновича вместе с сыном Нездилюю, конфисковав их имущество, а затем отпустил. Вскоре после этого он отправился в Торжок, где провел точно такую же операцию по отношению к Бориславу Некуришницу⁵⁷. Эти действия можно рассматривать, в основном, в категории устранения потенциальной оппозиции по отношению к планируемому уходу из Новгорода, формальную власть над которым, на наш взгляд, Мстислав хотел оставить своему малолетнему сыну Василию. Однако судьба помешала этим планам. Василий ранней весной 1217 г., во время пребывания в Торжке, заболел и был привезен в Новгород уже мертвым; его кончина вынудила искать другого наследника прежнего правителя⁵⁸.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731.

⁵⁶ В отдельных походах на Галич наряду с Мстиславом Мстиславичем принимали участие, несомненно, также следующие Ростиславичи: Мстислав Романович киевский, Владимир Рюрикович смоленский, а также сидевшие в меньших уделах Ростислав Давидович и Ростислав Мстиславич.

⁵⁷ НПЛ. С. 57, 258; ПСРЛ. Т. 4. С. 197; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 327.

⁵⁸ Возможно, во время переговоров обоих Мстиславичей было установлено: новым новгородским князем будет, однако, Святослав, сын Мстислава Романовича, что и произошло 1.VIII 1217 г.

Похороны княжича состоялись 1 апреля в Софийском соборе⁵⁹. Видимо, сразу же после этого Мстислав собрал вече, во время которого объявил новгородцам, что покидает их, желая завладеть Галичем. Участники вече просили князя остаться. Однако он не поддавался на уговоры, лишь уверял подданных, что хотел бы почтить в Софии – там же, где покоится тело его отца (и сына), что можно толковать как свидетельство неуверенности Мстислава в исходе похода на Галич и желания обеспечить себе «тылы» на Волхове. Согласно младшему изводу Новгородской первой летописи, Мстислав выехал 5.IV 6726 г.⁶⁰ Основная часть исследователей уход князя из Новгорода относят к 1218 г.⁶¹, тогда как в действительности это событие имело место в 1217 г. В связи с возникновением такого серьезного разногласия представим здесь аргументацию, подтверждающую наше умозаключение⁶².

В части Хроники Ливонии Генриха Латвийского, посвященной девятнадцатому году понтификата рижского епископа Альберта фон Буксхеведена (III.1217 – II.1218), в абзаце о заключении русско-эстонского соглашения, направленного против Ордена, ливов и летов, можно найти следующую информацию: «...rex magnus Nogardie Mislawe eodem tempore abierat contra regem Ungarie pugnaturus pro regno Galacie, relicto rege novo in sede sua in Nogardia»⁶³. Тот же новый новгородский правитель отправил к эстам послов с обещанием помощи, которую должен был возглавить князь Владимир. Столкновение противников, как это описывается далее в Хронике, состоялось под Сакалой «in die Matthei apostoli»,

⁵⁹ НПЛ. С. 258; ПСРЛ. Т. 5. Стб. 327

⁶⁰ НПЛ. С. 258; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 327.

⁶¹ Голубовский П. В. История Смоленской земли... С. 291; Грушевський М. Хронологія подій Галицько-волинської літописи. Львів, 2005. Т. 7. С. 338; Эммуусский А. В. Мстислав Удалой... С. 81–82; Рапов О. М. Княжеские владения... С. 182; Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 186; Котляр М. Ф. Данило Галицкий. Київ, 2001. С. 34; Горский А. А. Русские земли... С. 18; Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: функции и терминология // Древнейшее государство Восточной Европы 2004. М., 2006. С. 51.

⁶² 1217 г. как дату ухода Мстислава из Новгорода указывали ранее Бронислав Влодарский, Николай Бережков и Джон Феннел (*Włodarski B. Polityka ruska Leszka Białego. Lwów, 1925. Примеч., ссылка 3 на С. 62; Idem. Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966. С. 68–69; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 259; Феннел Д. Кризис средневековой Руси. С. 95*), а опосредованно также Леонид Махновец, который хотя и не рассматривал интересующий нас вопрос, но считал, что Мстислав захватил Галич в том же году (Літопис руський за Іпатіївським списком, перевод и комментарии Л. Махновець. Київ, 1989. С. 374). К нашему мнению по этому вопросу склонился Мариуш Бартницкий (*Бартницкий М. Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217–1264. Lublin, 2005. С. 35–36*).

⁶³ *Heinrici Chronicon Livoniae...* С. 142.

то есть 21 августа, на девятнадцатом году понтификата Альберта, несомненно в 1217 г.⁶⁴ Сравним теперь эти два сообщения с соответствующими данными русских источников. Как известно, под 6726 г. Новгородская первая летопись рассказывает о походе Мстислава Мстиславича на Торжок и временном аресте там Борислава Некуришица. Затем узнаем, что в Торжке заболел «княжич Василий Мстиславич», которого уже мертвым привезли в Новгород и похоронили в Св. Софии в «гловахъ у дѣда». Затем находим информацию об основании архиепископом Антонием каменной церкви в монастыре Св. Варвары, вслед за которым идет сообщение о созыве Мстиславом Мстиславичем вече на Ярославовом дворище. Именно тогда князь сказал новгородцам: «...кланяюся святѣи Софии и гробу отца моего и вамъ; хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи богъ леци у отца у святѣи Софии». Собравшиеся на вече просили князя остаться, однако безрезультатно. Мстислав поклонился новгородцам и покинул собрание. Затем в Новгородской первой летописи дается информация о прибытии «того же лѣта» в град на Волхове из Владимира архиепископа Митрофана. Сразу же после этого сообщения находим упоминание о выезде Мстислава из Новгорода на Русь, а непосредственно после него узнаем об отправлении новгородцами посольства в Смоленск за Святославом, названным Ростиславичем. Этот князь въехал в Новгород 1 августа. Он-то и был тем самым «новым новгородским королем», который отправил псковского Владимира во главе помощи эстам в августе несомненно 1217 г.

Здесь же следует добавить, что известие о прибытии в Новгород Святослава Мстиславича завершает продолжающийся с самого начала годовой статьи 6726 абзац, посвященный новгородским делам. Сразу же после него появляется также достаточно большой рассказ об убийстве родственников рязанским князем Глебом Владимировичем, поддерживаемым своим братом Константином⁶⁵, что, несомненно, имело место 20.VII 1217 г.⁶⁶ Обратим внимание на еще

⁶⁴ Heinrici Chronicon Livoniae... С. 142–143.

⁶⁵ НПЛ. С. 57–58, 258–259. Здесь отметим, что Святослав был назван Ростиславичем, поскольку он так же, как и Мстислав Мстиславич, был потомком (а конкретно – правнуком) Ростислава-Михаила Мстиславича, прародителя смоленской ветви Рюриковичей. Отцом князя был Мстислав-Борис Романович.

⁶⁶ О датировке убийства в Исадах, см., напр.: Кузнецов А. А. Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII века. Нижний Новгород, 2006. С. 170–173. Фактом является то, что некоторые летописи имеют совершенно иную очередность сообщений об убийстве в Исадах и окончательном выезде Мстислава из Новгорода (см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 115 (под 6725 г. убийство в Исадах, под 6726 г. – выезд Мстислава); ПСРЛ. Т. 15. Стб. 325 (убийство в Исадах под 6725 г.), Стб. 327 (выезд Мстислава под 6726 г.)).

одну хронологическую деталь. Как уже отмечалось, четко видно, что в Новгородской первой летописи практически вся статья 6724 г. посвящена уже завершившейся в начале мая 1216 г. «липицкой» кампании. Следующая же заметка – что, как уже указывалось выше, находит подтверждение в датировке Хроники Ливонии Генриха Латвийского – представляется естественным продолжением упоминаемых выше событий. Одним словом, «Повесть о битве на Липице» повлияла на перемещение на один год хронологии ближайших событий, передаваемых источником.

Таким образом, правление Мстислава Мстиславича в Новгороде завершилось 5.IV 1217 г. Князь больше никогда не возвращался на север. Однако вплоть до своей смерти, наступившей, по всей видимости, между 1.IV и 24.VII 1228 г.⁶⁷, он играл важную роль в южнорусских событиях. На Волхове этот правитель оставил после себя очень хорошие воспоминания. Можно догадываться, что причиной такой оценки Мстислава новгородским обществом была его способность сочетать зачастую противоположные интересы боярских группировок⁶⁸, эффективно реализовать требования внешней политики республики, в частности на балтийском направлении и, наконец, достоинства князя как прекрасного полководца и воина, несомненно внушавшие уважение служившим рядом с ним новгородцам. Таким образом, можно сказать, что Мстислав стал одним из самых любимых князей новгородского общества и одновременно – последним выдающимся Мстиславичем, занимавшим этот трон.

Его преемником стал Святослав, сын Мстислава Романовича, который, как известно, прибыл в Новгород 1.VIII 1217 г. Во время его непродолжительного правления имел место серьезный внутренний конфликт в граде, что было обстоятельно и компетентно описано Валентином Яниным⁶⁹. Создается впечатление, что отец Святослава не смог найти лучшего способа сохранить за собой власть в Новгороде, чем до него – Всеволод Большое Гнездо. Весной 1219 г. он отозвал сына с Волхова и отправил туда его младшего, но взрослого брата Всеволода⁷⁰. Новгородцы приняли решение киевского князя⁷¹. Однако это ничего не изменило во внутренних отношениях в государстве, хотя Всеволод предпринял попытку продолжать аг-

⁶⁷ Подробный довод о дате смерти Мстислава Мстиславича см.: *Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów...* С. 510–511.

⁶⁸ О роли этого качества Мстислава уже упоминал Валентин Янин (*Янин В. Л. Новгородские посадники*. С. 186).

⁶⁹ НПЛ. С. 58–59, 259–260; *Янин В. Л. Новгородские посадники*. С. 186–191.

⁷⁰ Всеволоду Мстиславичу при занятии новгородского трона было более 20 лет. О единственной попытке точно определить дату рождения князя см.: *Dąbrowski D. Genealogia Mściśławowiczów...* С. 521–522.

⁷¹ НПЛ. С. 59, 260.

рессивную политику в балтийском направлении. Он пошел на защищаемый немцами, литовцами и либами Пертуев (нем. – Wenden, латыш. – Cesis)⁷². Его правление было подчинено конфликту с просуздальской партией, во главе которой в то время стоял посадник Твердислав. Всеволод в 1220 г. выехал даже на какое-то время в Смоленск, очевидно за советом и помощью родственников. Однако силы оппозиции укрепились настолько, что в конечном счете новгородцы в 1221 г. изгнали Всеволода и позвали на его место Всеволода, сына Юрия Всеволодовича, которому в то время было всего 8 лет⁷³. Таким образом, Ростиславичи окончательно потеряли власть над Новгородом, и начался следующий, на этот раз продолжительный период правления на Волхове владими́ро-суздальской линии Рюриковичей.

⁷² НПЛ. С. 59–60, 261.

⁷³ Там же. С. 60, 262. О возрасте Всеволода Юрьевича см.: *Донской Д.* Рюриковичи... С. 212.